
А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

ЭДИК

Я познакомился с научным творчеством Эдика раньше, чем с ним самим. В 1990 г. вышла его замечательная книга «Человек и природа в Китае», в которой он прослеживает связь между природными и историческими процессами, анализирует изменения в климате, урожайности, экологические катастрофы и пути их преодоления.

До знакомства с этой книгой я, в духе своего ближайшего окружения, больше увлекался «духовным» и обращал мало внимания на сюжеты, связанные с «землей», скомпрометированной и оккупированной вульгарными марксистами. Эдик продемонстрировал мне, что можно и нужно иметь дело с землей, без которой не бывает и неба. Сам он был окружен людьми укорененными: климатологами, аграрниками, экологами и почвоведом, знания которых Эдик умел приложить к истории. Их идеи и наработки дали мне очень много, мой словарь стал богаче, картина мира – объемнее.

Эти идеи проросли во мне в статье 1995 г. «Ранняя история Японского архипелага как социоестественный и информационный процесс», в которой к идеям Эдика я присовокупил информационную составляющую, которая имеет прямое отношение к скорости распространения самых разных хозяйственных умений и способам адаптации человека к вмещающему ландшафту. Эдик составляющую одобрил. Я продолжал думать про человека и природу и в 2014 г. опубликовал книгу «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения». Жаль, что Эдик не успел прочесть ее. Он был бы доволен, что его посев принес урожай.

С самим Эдиком я по-настоящему познакомился летом 1996 г., когда он пригласил меня отдыхать в свой обожаемый Крым. Сухой кочевой воздух, которым дышали его татарские предки, был ему мил. Мы жили в Орджоникидзе, неподалеку от Коктебеля. Эдик с очаровательной и «занозистой» дочерью Юлей остановились у дяди Эдика – Анатолия Иосифовича, я – в съемной комнате на

пятом этаже многоквартирного дома. Из окна был виден Карадаг, куда мы и отправились на следующий день после приезда.

Я очутился там впервые и был ведомым – Эдик водил меня по Карадагу с таким тщанием и любовью, словно это был его родной двор, в котором он вырос и которым гордился. Мы бродили по каменистым тропкам, окруженные стрекотом кузнечиков и стаями немых бабочек, сквозь которые проглядывало ослепительное море. Я с детства боюсь высоты, и потому Эдику часто приходилось держать меня за руку. Он был так устроен, что я не стыдился своей слабости. Эдик же шагал и дышал легко, без страха и одышки карабкался по склонам. Я уже не говорю про босоногую Юлю, напоминавшую счастливую горную козочку, которую наконец-то выпустили из зоопарка на волю.

Карадаг шел Эдику, Эдик был его частью. Его худоба смотрелась органично на фоне выветренных временем скал. Лицо Эдика было таким же выветренным. Он принадлежал этой каменистой земле, эта земля принадлежала ему. Кожа Эдика была необыкновенно тонкой и как будто пергаментной – словно подсушена суховеями и травлена доисторией. Полыми костями и чуть крючковатым носом он походил на птицу, реющую над бездной времени в поисках исторической поживы.

Бродили мы и по выжженной степи, пригодной лишь для сильных и нетребовательных людей. Я посвятил отцу с дочкой стихотворение:

В стране травы,
кузнечиков и бабочек
я выделялся ростом.
Не молоком я там питался,
а обнаженным светом.
Дойдя до обрыва,
воском приборя
уши себе затыкал.

Услышав это стихотворение, Юля стала обращаться ко мне не иначе как «Господин Поэт». Это было самое лестное прозвище в моей жизни.

В наших походах мы много разговаривали с Эдиком про историю. В том числе и про ту, что творилась у нас на глазах. Распад

СССР сказался в Крыму тяжело. Военный завод в Орджоникидзе дышал на ладан, сверхточные станки тачали вязальные спицы, которыми выдавали зарплату. Советские торпеды сделались не нужны и покоились в огородах, напоминая памятники ушедшей эпохе и самим себе. Огородники запасали в них воду для полива. Вода в трубах едва капала, электричество притекало по своему хотению. Закусывая жареными на раскаленном железном листе мидиями, местный трудяга признавался: «Я за объединение Украины с Россией сколько хочешь выпью!» И мы ему верили. Эдик давно знал эти места и этих людей, ему было больно за нищую и бестолковую жизнь, доставшуюся им по произволу геополитиков и судьбы.

Позабывший бога,
позабывтый богом,
городок имени одного
из когорты сталинских людоедов.
Подходят к концу
запасы воды и хлеба,
ракетного топлива –
не улетишь в Московию
с обожженных солнцем
холмов Киммерии.
Луна восходит,
истонченная слабосоленым ветром.

Вечерами мы попивали кисленькое винцо, Эдик воодушевлялся и пел Окуджаву. Вообще-то песни последнего плохо поддаются другим голосам, но у Эдика получалось. Московский троллейбус плавно катил по подзвездному Крыму, который на своем веку повидал и скифов, и греков, и гунуэзцев, и турок, и татар, и русских... Всех не упомнишь.

Тешил меня Эдик и случаями из своей жизни.

1987 г., Северная Корея, где он читает лекции о международном положении. Корейцы уламывают Эдика прочесть панегирик новой экономической программе Ким Ир Сена. Народ при этом погибает от голода, в горах и полях выставлены таблички: «Эту траву можно есть. Ким Ир Сен». Хвалить неохота, врать неохота, Эдик отнекивается тем, что ничего не понимает в экономике. Корейцы не

отстают, и на очередной встрече Эдик кладет в карман главного товарища пакетик леденцов со словами: «По-моему, моя аргументация вполне убедительна». Товарищ отвечает: «Мне кажется, что да, но что думают другие товарищи?» И тогда хитрый и запасливый Эдик кладет в их карманы тоже по пакетику. Словом, врать не пришлось, честь была спасена.

Это единственный известный мне случай, когда Эдик проявил такую бытовую смекалку. На самом деле он отличался чудесной наивностью и беспомощностью в бытовой жизни, умея напитать свое тело только из рук души в нем не чаявшей жены Надюши. Он отвечал своему доброму ангелу таким же нескрываемым обожанием.

Мне было легко с Эдиком, он не обижался на мои розыгрыши. На конференции в Иркутске он проспал завтрак, уже было пора отправляться на утреннее заседание. Я пытался растормошить его, но мне это никак не удавалось. Он только мычал и переворачивался на другой бок. И тогда я закричал ему в ухо: «Социоестественная история неверна в корне!» Эдик мгновенно вскочил с постели и, еще не надев брюк, стал страстно меня разубеждать... А поняв наконец мою подлую стратегию, от души посмеялся вместе со мной.